

Рустам ИБРАГИМБЕКОВ
Михаил КАЛАТОЗОШВИЛИ

Мистерии

(Фрагменты сценария)

Улица. Париж. Раннее утро.

Немноголюдно; только что прошел легкий дождь. Прошуршала по мокрому асфальту и остановилась у перехода машина. Улицу переходят неизвестно откуда взявшиеся китайцы. Их очень много и они одинаково одеты — серые френчи, застегнутые до последней пуговицы у мужчин, и такое же серое одеяние у женщин. Переходят улицу организованно: колонна — два человека в ряд, и кажется, что конца этой тараторящей о чем-то колонне не будет. Один китаец, наверное, главный, наблюдает за колонной, иногда резко и четко отдает команды на непонятном языке. В машине, остановленной на перехождении улицы китайцами, сидят двое мужчин. Тот, кто за рулем, Антуан, оживленно говорит; второй, Андрей, наблюдает за бесконечным потоком китайцев; он явно волнуется и поглядывает на часы, косится на соседние машины, которых уже скопилось немало.

Китайцы продолжают переходить улицу. Они аккуратными рядами выходят из распахнутой двери гостиницы, переходят улицу и садятся в автобусы, припаркованные на противоположной стороне. Один автобус полон. Водитель дает гудок; главный китаец отрывисто выкрикивает непонятные слова, и колонна замирает. В образовавшуюся брешь медленно проезжает автобус. Снова отрывистая команда — и поток полился дальше.

Машина Антуана. То же время.

Андрей слушает взволнованную речь Антуана и наблюдает за китайцами.

АНТУАН. Я очень рискую, но обратного хода нет. Аукцион должен состояться.

АНДРЕЙ (перебивая). Слушай, по-моему, они приехали сюда всей страной. Весь миллиард с лишним.

АНТУАН (улыбаясь). Лишних там всего триста миллионов.

АНДРЕЙ. О, господи! Когда это кончится! Я опоздаю на самолет.

АНТУАН. Успеем. Так вот, если все будет в порядке, я обещаю тебе, что ты будешь доволен. Слышишь меня?

Что-то на улице вновь привлекает внимание Андрея, и Антуан вынужден замолчать.

Улица. Париж. Раннее утро.

Поток китайцев не редает, но среди этого тоскливого однообразия появляется странная, не похожая на всех фигура. Это китаянка в темно-бордовом кимоно. Она идет не в колонне, озираясь по сторонам. Поравнявшись с машиной, она останавливается и в упор смотрит на двух мужчин, наблюдающих за ней через ветровое стекло. Неожиданно она улыбается, взмахивает руками, как крыльями, подбирает одну ногу и застывает в такой позе. Кажется, еще мгновение, и она взлетит. Мужчины молча смотрят на странную китаянку, похожую на изваяние. Послышался отрывистый окрик на китайском, и китаец, командовавший погрузкой соотечественников, бросается к странной китаянке и чуть не попадает под колеса отъезжающего автобуса. Успев отскочить обратно, он складывает руки домиком, быстро-быстро говорит и отвешивает поклон водителю.

Когда корпус автобуса скрывает китаяца, мужчины вновь смотрят на «цапли», застывшую у их машины и высматривающую что-то вдаль. Подбегает китаец; по всему видно, что он возмущен до глубины своей непонятной китаянской души. Прижав руки по швам и чуть-чуть наклонившись вперед, он что-то строго выговаривает продолжающей хранить неподвижность женщине. Хватает ее за руку и тащит за собой. Вынужденная подчиниться, она, перед тем, как скрыться за очередным автобусом, оглядывается и хитро подмигивает Андрею и Антуану. Поток китайцев вдруг разом редает и исчезает, будто и вовсе его не было. Медленно отъезжает и катит по улице последний автобус.

ГОЛОС АНДРЕЯ. Слава Богу! Поехали.

Но Антуан не может стронуться с места. Андрей, смотрящий вслед удаляющемуся автобусу, оборачивается и видит, что на их пути новое препятствие.

Прямо перед машиной, на корточках сидит странный человек и собирает бусинки рассыпавшихся четок. Рядом с ним стоят шарманка и костыль, на который она становится, чтобы не держать ее на весу. С присущей восточным людям неторопливостью, шарманщик собирает бусинки, не замечая ни машин, ни людей.

ГОЛОС АНДРЕЯ. В этом городе стало невозможно жить. Вавилонское столпотворение, а не город. Съехались отовсюду!

Юбилейный вечер, посвященный 60-летию Рустама Ибрагимбекова, прошел на прошлой неделе в Центральном Доме кинематографистов, оцепленном по такому случаю отрядом милиции. Но торжество не удалось затаять в профессиональном цеху, и праздник вылился на улицу. Именно ту, что и ведет к Дому кино. Через всю Брестскую развивается поздравительная лента замечательному кинодраматургу и гражданину Рустаму Ибрагимбекову. Ранее таким же образом Москва приветствовала приход зимы и оповещала горожан о концертах Киркорова. "Экран и сцена" присоединяется к народному, если не сказать космическому, чествованию писателя и человека Рустама Ибрагимбекова и желает, чтобы каждый "завтрашний сеанс" непременно становился сегодняшним.

Он распахивает дверцу и выскакивает из машины.

АНДРЕЙ (шарманщику). Нельзя ли побыстрей. Мы здесь торчим из-за вас.

Шарманщик, улыбаясь, продолжает свое дело.

АНДРЕЙ (возмущенно). Я опаздываю в аэропорт! Вы можете понять?

Шарманщик либо делает вид, либо действительно не понимает ни слова из того, что ему говорят; он кивает головой и улыбается.

АНДРЕЙ. Бог ты мой! Он ни черта не понимает. Ну, вот что — раз я по-турецки не говорю, а ты по-французски не понимаешь, то давай проваливай отсюда.

Андрей подталкивает сопротивляющегося шарманщика к обочине. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы Антуан не вылез из машины и не оттащил Андрея от турка.

АНТУАН. Ты что с ума сошел? Что с тобой?

Он запикивает товарища в машину.

АНДРЕЙ (сердито). Какого черта! Чего ему здесь надо?! Пусть крутит свою шарманку у себя в Стамбуле, или откуда он там?

Антуан смотрит на него долгим, внимательным взглядом.

АНТУАН. Действительно, съехались отовсюду. И мешают друг другу.

Шарманщик, наконец, отходит. И машина трогается с места.

Машина Антуана. Раннее утро.

АНТУАН. Объясни Леопольду, что мы можем придать этому аукциону международный характер. Европейских клиентов я беру на себя. Обещаю, отбоя не будет.

АНДРЕЙ (чуть обиженный шутливым намеком Антуана). Я все помню. Но и ты не забудь о моей просьбе — я помогаю тебе с аукционом, а ты поможешь мне устроить судьбу того человека, о котором я тебе говорил здесь, в Париже.

АНТУАН. Договорились. Мне нравятся его сочинения.

Андрей довольный улыбается.

Тбилиси. Утро. Квартира Ладо.

В комнате довольно сумрачно, хотя уже рассвело. Лучи света, проникая сквозь щели толстых штор, кругами ложатся на паркет. В темном углу стоит большой концертный рояль. На рояле свалены ноты, чистые листы и испанская тушь бумага. Огромное количество музыкальной литературы сложено под роялем и на нем.

В комнату входит Ладо. Проходит к окну и, не раздвигая штор, останавливается в узкой полосе света. На нем шелковые пиджамные штаны, выше пояса он гол. Ему лет 35-40. Он худощав, выше среднего роста, веселые, спокойные глаза смотрят прямо и внимательно. Сладко потянувшись, Ладо рывком раздвигает шторы — в комнату хлынул свет; за светом врывается уличный шум, слегка приглушенный двором. Ладо двумя руками взъерошивает свои и так торчащие в разные стороны волосы, разводит руками и еще раз потягивается. Застывает на мгновение. Затем шумно втягивает воздух, поднимая руки вверх. Соединив ладони, начинает сгибаться в пояснице, также шумно выдыхая воздух. Лоб его касается колен. В такой позе Ладо замирает.

Теперь, когда он согнулся, видно, что там, за окном, через двор стоит такой же дом; он не новой постройки, с большими окнами и лепниной на фасаде. За домом напротив торчит высотный жилой корпус. Ладо разгибается и слышит женский голос.

НАНА. Ладо, Ладо! Ты здесь? Ладо, от-

веть!

Ладо идет на голос и оказывается в уютной, красиво убранной комнате. У окна стоит старинная, красивого дерева, одноместная кровать. На ней лежит женщина лет на пять моложе Ладо. Ее широко распахнутые красивые глаза с тревогой наблюдают за ним.

Он присаживается на кровать, обнимает полужающую женщину, целует ее в губы.

ЛАДО. Доброе утро. Давай, я помогу тебе встать.

Он подкатывает к кровати кресло на колесах, откидывает одеяло и переносит женщину в кресло.

ЛАДО. Поехали.

НАНА. Поехали.

Ладо катит кресло в ванную комнату, и оттуда слышно, как они возятся, справляя утренний туалет.

Ладо сидит у рояля, когда в дверь звонят, и пишет ноты на разлинованной бумаге. Звонят снова и снова. Наконец Ладо идет в прихожую. Распахнув дверь, Ладо обнаруживает на пороге франтовато одетого мужчину лет шестидесяти. Мужчина улыбается. Озорные глаза ошупывают Ладо с головы до ног.

ЛАДО. Вам кого?

АНДРЕЙ. Тебя.

Он входит в квартиру; растерянный Ладо плетется за ним. Оставив свой роскошный чемодан в прихожей, Андрей входит в гостиную. Он передвигается по квартире, как человек, знающий где находится. Побродив по комнате, Андрей подходит к столу, садится, чему-то улыбается.

АНДРЕЙ. Здесь почти ничего не изменилось. Все, как было 25 лет назад.

ЛАДО. Кое-что все-таки изменилось. Простите, не хочу показаться невежливым, но вы уверены, что попали именно туда?

Андрей смеется так громко, что из соседней комнаты появляется Нана в кресле-качалке. Андрей встает, здоровается; усевшись обратно, говорит.

АНДРЕЙ. Тебя я знаю. Ты Ладо. Последний раз, когда я тебя видел, тебе было 10 лет. (Нана.) А вот вас, простите, не имею чести знать...

ЛАДО. Это моя жена.

АНДРЕЙ. Итак, я тебя знаю двадцать с лишним лет. Я друг твоего отца. 25 лет тому назад меня силой заперли в самолет и выдворили из этой страны. Ну, не из этой, а той — СССР. Звать меня Воробьев Андрей Александрович. Твой отец звал меня Канарейкой. Приехал я из Парижа. Я там живу. И являюсь гражданином Франции. (С иронической усмешкой закончил Андрей.)

ЛАДО. Воробьева я не знаю, а о Канарейке слышал.

АНДРЕЙ. Прошу заметить, что подобное прозвище для диссидента, коим я являлся, было оскорбительным. Но таким уж человеком был твой отец — я покорно сносил это от него. Только он имел право пользоваться этим именем. Давай выпьем! За знакомство, за мое возвращение. Ну как, не против?

ЛАДО. Нет, конечно. Я сбегал, принесу чего-нибудь выпить.

АНДРЕЙ. Ни в коем случае. У меня полная сумка бутылок — от русской водки до французского коньяка.

Андрей не по возрасту ретиво отправляется в коридор за сумкой. Вернувшись в комнату, он действительно выстраивает на столе целую батарею бутылок.

АНДРЕЙ. Так как сейчас утро, а мы люди тонкой душевной организации, давай начнем с французского коньяка.

Он откупоривает бутылку и оглядывается в поисках рюмок. Но Нана уже начала на-

крывать на стол. На ее кресле оказался удобно приспособленный поднос, куда она уже ставит рюмки, тарелки и так далее. Ладо начал резать хлеб, сыр, лимон, прочую снедь.

Вскоре вся троица садится за стол. Андрей наполняет рюмки, поднимает свою, обращается к Ладо.

АНДРЕЙ. Я много слышал о тебе. У меня дома есть твой диск. Купил его в Париже. (Андрей смотрит на Нану.) Я небольшой знаток музыки, но мне очень понравилось сочинение вашего мужа. Ну, со свиданием.

Мужчины выпивают. Опустошив свои рюмки, они усталились на Нану. Она улыбается и пьет. Пока Нана пьет свой коньяк маленькими осторожными глотками, Андрей лезет в сумку и извлекает бинокль, протягивает его Ладо.

АНДРЕЙ. Это тебе. Когда-то я увез его из этого дома.

Пока Воробьев разливает следующую порцию коньяка, Ладо, переглянувшись с женой, берет в руки бинокль и внимательно его разглядывает.

ЛАДО. Да, вспоминаю, в детстве я играл с ним. Тут были буквы какие-то на корпусе.

АНДРЕЙ. Инициалы твоего деда.

ЛАДО. Да, вот они.

Ладо подходит к окну, раздвигает пошире шторы и подносит бинокль к глазам. Он видит корпус жилого дома, что торчит за окном напротив.

Улица. Балкон высотного корпуса.

Корпус не близко, но в бинокль отчетливо видно, что на балконе не то шестого, не то седьмого этажа стоят две женщины. Одна весьма преклонного возраста, другая помоложе, лет пятидесяти. По жестике видны, что беседа отнюдь не мирная. Женщины явно ссорятся. Точнее, более молодая насаждает на старушку. Что-то крикнув, она вдруг сильно толкает ее в грудь. Старушка еле удерживается на ногах, а соперница с победным видом поворачивается и входит в дом, прикрыв за собой дверь. Старушка выглядит вполне милостивой — седые волосы, заплетенные в две косички, аккуратными кругами уложены на затылке. Она словно застыла, смотрит вниз на улицу своими грустными глазами. Вдруг, будто кто-то ее толкнул, старушка вздрагивает и начинает перелезать через перила.

Квартира Ладо. То же время.

Ладо вытягивает вперед руку, как бы пытаясь ухватить старушку.

Балкон высотного корпуса.

Старушка уже стоит на маленьком карнизе, еле выступающем перед перилами. Она разворачивается спиной к перилам, ухватывается за них двумя руками и подается всем телом вперед, готовясь к полету.

Квартира Ладо.

ЛАДО (кричит). Не смей! Не смей этого делать!

Испуганные Андрей и Нана усталились на Ладо. Воробьев подошел и стал всматриваться в пространство за окном, пытаясь что-нибудь увидеть, но не увидел.

АНДРЕЙ. Да что там происходит?

ЛАДО. Бабушка! Милая, дорогая. Стой! Не шевелись! Я сейчас. Бегу.

Ладо швырнул бинокль на стол и рванул к двери. Коляска жены еле успела отъехать в сторону.

АНДРЕЙ (кричит). В чем дело? Что случилось?

Бежит следом.

Экран и сцена —